

Наконец хозяин и слуга уставились друг на друга, а затем одновременно фыркнули, и серьёзная атмосфера мгновенно развеялась.

Эрлян, смеясь, вытирал слёзы в уголках глаз, и Фан Шу не мог понять, действительно ли он плакал или это были слёзы смеха.

— Господин и я никогда не расставались так надолго...

Фан Шу вздохнул, грудь его поднималась и опускалась.

— Почему ты ведёшь себя как ребёнок, который не может повзрослеть?

Эрлян, вспоминая свои мысли, смотрел на профиль Фан Шу, человека, который был его единственной семьёй, единственным светом в его мрачной жизни. Как мотылёк, он не мог не находиться рядом с ним.

Остыв, он вспомнил о недавних событиях и сказал:

— Кажется, господин Хо действительно хотел меня убить.

Это было настоящей головной болью для Фан Шу. Мысль о том, чтобы подставить Хо Тайлина и отправить его обратно в столицу, становилась всё сильнее в его сердце.

Летние ночи в Ляодуне были прохладными, и тонкая дневная завеса не могла защитить от пронизывающего ночного ветра, который, казалось, проникал в самые кости.

После недавних кровавых событий все боялись заболеть и остаться лишь трупом для волков.

Люди собрались вокруг костра, чтобы согреться вином, а некоторые делали разминку поблизости.

Конечно, пить вино могли только высшие командиры, не только из-за нехватки ресурсов, но и из-за строгой воинской дисциплины.

Фан Шу посмотрел на группу Хо Тайлина неподалёку, взял кувшин вина, встал и сел между двумя тысячниками. Его внезапное действие заставило всех замереть, будто они увидели снег в июне или огонь в небе, и все были поражены.

А Эрлян, находясь вдалеке, мог лишь украдкой наблюдать. Он знал, что его господин, вероятно, задумал что-то.

Прямо напротив Фан Шу сидел Хо Тайлин. Он не пил, а лишь смотрел на кожаную карту в

руках, его брови то хмурились, то расправлялись. Свет от костра отбрасывал на его лицо тень, делая его ещё более мрачным.

Эти два тысячника были правой и левой рукой Хо Тайлина. Один был высоким и худым, с выдающимися скулами и глубоко посаженными глазами. К счастью, он не был бледным, а загорелым, иначе, если бы кто-то случайно столкнулся с ним ночью, мог бы подумать, что встретил призрака. Его звали Цао Ми, а по прозвищу — Фэнчжи. Это был человек с хитрым и надменным характером.

Другой был более крепким, с тёмной кожей и носом, похожим на бычий. Когда он нервничал, его ноздри расширились, как у быка. Он был более прямолинеен. Его звали Чэнь Лайцун, а по прозвищу — Кун.

У них обоих было одно общее увлечение — любовь к выпивке.

Конечно, это было всё, что Фан Шу мог узнать о них.

Чэнь Лайцун указал на тёмное пустое пространство.

— Господин Фан, кажется, господин Вэнь пошёл туда справить нужду...

Услышав это, Хо Тайлин поднял голову и посмотрел на Фан Шу, который сидел напротив с улыбкой, «сияющей, как персиковый цвет». Фан Шу тоже посмотрел на него, помахал рукой, словно они были старыми друзьями, и казалось, что последние несколько дней разногласий никогда не происходили.

Фан Шу ответил:

— Я пришёл не к господину Вэню, а к братьям Фэнчжи и Куну, чтобы выпить пару чашечек вина.

Услышав, что его имя названо первым и что Фан Шу добавил к нему уважительное обращение «брат», Цао Ми не смог скрыть своей радости, хотя и старался не показывать её. Однако его скелетообразные руки, игриво вертевшие чашку, выдавали его удовольствие, что Фан Шу сразу заметил.

Цао Ми повернулся к мужчине рядом с ним.

— Господин Фан, почему вы вдруг... решили присоединиться к нам?

Фан Шу скривил губы.

— У нас там нет тех, кто любит эту воду забвения печалей. Есть пара любителей, но это какие-то деревенские грубияны, с которыми не о чем поговорить. Вино нужно пить с такими людьми, как вы!

Этот комплимент от «Орхидеевого таньхуа» заставил обоих мужчин почувствовать себя одновременно смущёнными и польщёнными. Кто не любит лесть, особенно когда она исходит от человека с лицом, сияющим, как луна, и искренним выражением? В глубине души они не могли отказаться.

Чэнь Лайцюн замахал руками.

— Слова «человек выдающийся» — это слишком много для нас! Давайте, господин Фан, я предлагаю вам чашу!

Фан Шу чокнулся с Чэнь Лайцюном, а затем быстро чокнулся и с Цао Ми, который улыбнулся, и его скулы, казалось, стали ещё более выдающимися.

Пока трое мужчин чокались и пили, лицо Хо Тайлина становилось всё мрачнее. Он хотел посмотреть, какую игру затеял Фан Шу, но не ожидал, что его подчинённые так быстро переметнутся на его сторону, полностью забыв о его существовании. Это задело его за живое.

Он свернул карту и сунул её в карман, громко кашлянув, чтобы напомнить подчинённым об их «совести», но те трое уже обсуждали что-то о «вине семьи Цуй».

Фан Шу говорил без остановки:

— С детства пью его. Учёба была тяжёлой, и иногда, чтобы развеяться, я выпивал пару чашек, и это приносило облегчение. Думаю, вы, братья, понимаете, о чём я говорю!

Оба мужчины кивнули, словно в их сердцах пробудились воспоминания о радостях и горестях жизни.

Фан Шу вздохнул.

— Вино семьи Цуй из Улинчэна, на земле такого не найти, только на небесах. Даос, путешествующий на юге, выпивает сосуд и ложится спать у входа в облачную пещеру!

— Он продолжил:

— Когда мы вернёмся с победой, обязательно выпьем с вами до дна!

— Обязательно! Обязательно!

— Господин Фан, какое у вас воспитание! С детства пьёте! — раздался низкий голос Хо Тайлина.

Фан Шу притворился, что только что очнулся, и улыбнулся Хо Тайлину.

— Ой, господин Хо!

— Его лицо покраснело, и в свете огня даже кончики его ушей светились, ослепляя Хо Тайлина. Он встал, слегка пошатываясь, и Цао с Чэнем поспешили его поддержать. Фан Шу замахал рукой. — Ничего! Я должен выпить с вашим господином Хо!

Сев рядом с Хо Тайлином, Фан Шу протянул ему свой кувшин с вином.

— Мы ещё не смогли как следует поговорить, господин Хо. Не могли бы вы удостоить меня чести выпить со мной?

Хо Тайлин оттолкнул его руку с кувшином.

— Господин Фан, извините, но это вино я пью только из рук прекрасных девушек. Это...

— Он наклонился к воротнику Фан Шу, понюхал и сморщился, сказав при всех:

— Вино, поданное вонючим мужчиной, мне не по вкусу! Более того, оно вызывает у меня тошноту.

Никто не ожидал, что Хо Тайлин будет так груб, и все замолчали от страха.

Видно было, как длинная шея Фан Шу покраснела от стыда. Его лицо застыло на мгновение, а затем он снова улыбнулся и выпил сам.

— Эх, я хотел сблизиться с господином Хо, но теперь жалею, что не родился прекрасной девушкой, чтобы удостоиться глотка вина от генерала Хо...

Все ожидали, что Фан Шу развернётся и уйдёт, а если у него будет плохое настроение, то даже плюнет в Хо Тайлина. Но вместо этого он произнёс такие мягкие слова, которые слегка задели сердце Хо Тайлина, вызвав зуд, который невозможно почесать, и он начал беспокойно ёрзать.

На самом деле, Фан Шу тоже не мог до конца понять Хо Тайлина. Он знал только, что этот человек был одиноким, но также и опасным.

Поскольку Хо Тайлин считал его вонючим, Фан Шу почувствовал, что его терпение на исходе. Он встал и похлопал Хо Тайлина по плечу.

— Ночь поздняя, не простудитесь.

Всего четыре слова. Фан Шу не льстил, не притворялся. Он сказал то, что хотел сказать, и почувствовал, как с его плеч свалился огромный груз. Под воздействием вина он почувствовал себя лёгким, словно парил.

Хо Тайлин смотрел на удаляющуюся стройную фигуру мужчины со сложным выражением лица. В его сердце пробудились воспоминания, которые, казалось, готовы были вырваться наружу, но затем снова затихли.

Ладно, не буду думать об этом. Этот мужчина всё равно раздражает!

Эрлян накрыл Фан Шу одеялом. Тот действительно был пьян, и, похоже, столкнулся с неудачей у Стражей в парчовых одеждах. Он вернулся и сидел молча, а затем достал из-за пазухи красный парчовый мешочек и долго его разглядывал.

Что было внутри этого красного мешочка, Эрлян не знал. С тех пор как он стал слугой господина, он знал, что это была вещь, которую тот всегда носил с собой, всегда ближе к сердцу. Всякий раз, когда господин сталкивался с неудачей или радостью, он вынимал его и смотрел на него, но никогда так долго, как сегодня.

О прошлом господина он ничего не знал, да и не должен был знать.

За десять дней у всех появилась щетина, а у Хо Тайлина особенно густая борода, которая закрывала половину его лица, делая его взгляд ещё более мрачным.

Они достигли реки Ялуцзян, и король Кореи Ли Янь прислал чиновника, чтобы встретить их и переправить через реку.

Лагерь Шэньцзи привёз с собой тяжёлые пушки, большинство из которых остались на больших кораблях.

<http://bllate.org/book/15514/1378009>